

Т.В. Шипунова

МАКРО-МИКРО-МАКРО-МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ДЕВИАНТНОСТИ В КОНСТРУКТИВИСТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ*

В статье представлен эскиз макро-микро-макро-модели социального контроля девиантности, опирающейся на методологию интеракционизма и конструктивизма. Данная модель предполагает использование диалектического подхода с целью объединения взаимодополняющих концепций индивидуализма (субъективизма) и институционализма (объективизма). Автор рассматривает ряд вопросов, связанных с истоками нормирования и социального контроля девиантности. Кроме того, в статье анализируются возможные направления и содержание исследований социального контроля девиантности в конструктивистской перспективе.

Ключевые слова: *социальный контроль, конструктивизм, деконструкция, вариабельность норм, дискурс, воспроизводство девиантности, макро- и микроуровень социальной реальности, модель социального контроля, субъекты социального контроля, повседневные практики.*

Keywords: *social control, constructivism, deconstruction, the variability of norms, discourse, deviance reproduction, macro and micro level of social reality, a model of social control, agents of social control, everyday practices.*

Постановка проблемы

Тема социального контроля девиантности всегда была и остается актуальной для социологии и девиантологии. Об этом свидетельствуют

* Несколько лет назад я прочитала статью немецких криминологов Хеннера Хесса и Себастиана Шеерера «Что такое преступность? Эскиз конструктивистской теории преступности», в которой они предложили оригинальную макро-микро-макро-модель воспроизводства преступности в обществе. В то время статья показалась мне любопытной в плане построения общей теории девиантности, на чем и было сосредоточено мое внимание. И только относительно недавно возникла идея, что похожую модель можно использовать для изучения и анализа социального контроля девиантности.

не только многочисленные публикации и проведение международных научных семинаров, конференций, симпозиумов по проблемам контроля разных видов девиантного поведения, но и реальное положение дел, сложившееся в мире и в современной России. Так, по разным оценкам, в России от 2 до 6 млн. наркоманов, от 2, 5 до 20 млн. алкоголиков, от 3 до 4,5 млн. проституток. По состоянию на 1 августа 2010 г. в учреждениях УИС содержалось 843,2 тыс. человек. Еще 512,2 тыс. человек осуждены к наказаниям, не связанным с лишением свободы — это люди с условными сроками. В 2007 г., по оценкам социологов, в России насчитывалось 500 тыс. профессиональных бандитов и 1 млн. человек, время от времени промышляющих криминалом (см., напр.: Пряников 2010). Это прикладной аспект проблемы, однако существуют и серьезные теоретические основания, требующие дальнейшей разработки проблематики социального контроля.

В середине прошлого века намечился кризис социального контроля девиантности, который наука и практика до сих пор не могут преодолеть. Исходным пунктом для критического осмысления проблемы стали исследования системы наказания («кризис наказания» — Н. Кристи) и эффективности превентивного социального контроля (Грэхэм, Беннетт 1995). Эти исследования наглядно продемонстрировали, что традиционного подхода к пониманию социального нормирования, девиантности и социального контроля явно недостаточно для анализа современной реальности, поскольку в обществе произошли существенные изменения, связанные с глобализацией, стиранием межкультурных барьеров, ростом неравенства возможностей людей, развитием движения за толерантность, информатизацией и т. д. Общество как константное образование, базирующееся на разделяемых всеми моральных нормах, перестало существовать, его сутью стало постоянное изменение («текущая современность», по З. Бауману) (Бауман 2008), в котором каждый индивид ищет свое место, создавая и используя новые образцы поведения. Стандартизация в виде социального нормирования, лежащая в основе социального контроля, перестала оправдывать себя, поскольку она не столько сдерживает, сколько усиливает рост социальных девиаций.

Новый импульс к дальнейшему развитию темы дало распространение интеракционистских концепций, в частности, конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман) и так называемой критической школы криминологии (Ф. Зак, Х. Хесс, С. Шеерер и др.). Исследование социального контроля в рамках этих подходов имеет следующие направления:

- рассмотрение системы социального контроля как института и / или конструкта, который создан для поддержания отношений «господство-подчинение» (напр., Р. Дарендорф, Ф. Зак, Н. Кристи);

- исследование системного насилия в процессе осуществления социального контроля (напр., Х. Бианхи, Н. Кристи, Р. Якоб);
- социальное конструирование «нормальности» и «девиантности» (напр., Х. Хесс, С. Шеерер, Ф. Зак, Ф. Нойбахер, М. Вайнрих);
- описание негативных процессов, связанных с реализацией социального контроля в повседневных практиках, в том числе, социального исключения через селекцию контролируемых лиц и видов поведения (напр., Х. Кремер-Шеффер, Х. Штайнерт);
- критический анализ социального контроля разных форм и видов девиантного поведения и др.

При деконструкции феномена социального контроля и его критическом рассмотрении оказывается, что он имеет мало общего с декларируемыми целями и задачами, эффекты, производимые его институтами, обусловлены не столько стремлением к реализации миссии, сколько переплетением интересов разных социальных групп, возникающих в специфических для данной страны социокультурных условиях, а его реализация в рамках повседневных практик, в том числе, в профессиональной рутинной деятельности, может существенно варьироваться в зависимости от дискурсов.

Среди российских авторов, заинтересованных в критическом осмыслении социального контроля девиантности, можно назвать А. Верховского, Я.И. Гилинского, Р.И. Капелюшникова, Л. Кесельмана, И. Клямкина, М. Мацкевич, В.С. Овчинского, А. Олейника, С.Г. Олькова, В.В. Радаева, И.С. Скифского, И.Л. Честнова, Э.Г. Юзиханова, О.Н. Яницкого и многих других. Несмотря на то, что в работах российских авторов все чаще стало уделяться внимание конструктивистскому подходу, изысканий российских ученых явно недостаточно для того, чтобы, во-первых, говорить о сопоставимости научных исследований с зарубежными (по количеству, целостности, всесторонности, фундированности анализа применительно к социокультурным особенностям российского общества), во-вторых, об изменении представлений общественности (в том числе и научной) о сути, целях и практиках реализации социального контроля девиантности. Остаются неясными вопросы о природе и истоках социального контроля, взаимовлиянии сложившейся системы социального контроля и повседневных практик, социокультурных особенностях, влияющих на формирование разных дискурсов социального контроля и стратегий его реализации.

Социальный контроль, (как и преступность, по мнению Х. Хесса и С. Шеерера) — это не только специфическая тема научного исследования, но и символическое обобщенное средство коммуникации, которое определяет ситуацию посредством придания социального смысла,

направляет коммуникацию в определенное русло и, наконец, (взаимо) определяет реальность. В этом случае социальный контроль схож с другими средствами коммуникации, например, такими как власть, мораль, вера, справедливость и др. Рассмотрение социального контроля в таком ключе дает возможность более полного и, возможно, противоречивого его определения в разных дискурсах. Их совокупность (так же, как и в случае с преступностью) создает представление о границах понятия, которое в одном случае может рассматриваться как борьба с социальным злом (добро), а в другом — как чрезмерное (и не нужное) ограничение свободы человека (зло) (Hess, Scheerer 1997: 90–91). Это оценивание зависит от того, что мы будем считать нормой, а что — девиацией.

Вопрос о нормах и девиациях выступает центральным для понимания сути социального порядка и социального контроля. Социальные нормы являются частью социального опыта (А. Шюц) или социального запаса знаний, которые воспринимаются людьми как объективно существующие и поддерживающие социальный порядок (Бергер, Лукман 1995). Этот объективный мир задает человеку определенные рамки мышления и действия (Schütz, Luckmann 1975). Однако человек не просто исполнитель, он — познающий субъект, играющий активную роль в конструировании мира (Ю. Хабермас). Он изменяет старые понятия и / или создает новые смыслы и новые понятия. Так, в настоящее время в среде девиантологов и части общества наметились некоторые тенденции, свидетельствующие о росте терпимости (толерантности) в отношении девиантных явлений, которая проявляется в изменении интервала действия норм, а также в расширении объема некоторых понятий, например, понятия «аддиктивное поведение», что приводит к бессмысленности рассмотрения их как девиаций (можно также говорить о влиянии языковых конструкторов на постановку целей исследования).

Само нормирование рассматривается не только как своего рода унификация и стандартизация поведения, но и как имманентно возможная причина девиантного поведения, вызывающая ответную реакцию общества средствами социального контроля. К девиации могут привести: факты и сведения интер- и интракультурной вариабельности норм в отношении сходного поведения; интракультурная вариабельность норм в форме позиционального направления адресатов норм (аспект власти и господства); удержание средствами социального контроля унаследованных норм при изменяющихся внешних условиях; возможность и вероятность реализации норм в конкретных видах поведения и при конкретных обстоятельствах и т. д. (Lamnek 2001: 42).

Привычно воспринимаемая пара «норма-девиация» не обязательно должна мыслиться как бинарная оппозиция. Возможна и другая логика.

Например, девиация может определяться без связи с нормой. На протяжении ряда лет нами проводился экспресс-опрос студентов в рамках курса «Девиантология» по поводу того, что они понимают под девиацией. Отличительным признаком девиантного поведения с точки зрения части (пока лишь незначительной) современной студенческой молодежи выступает вовсе не нарушение социальных норм, а (существенное) нарушение прав человека. В настоящее время в России сложилась уникальная ситуация, когда в обществе (со)существуют не просто разные, но, возможно, противоположные дискурсы. Обусловлено это тем, что выросло новое поколение, не знавшее советских запретов и идеологического давления, вкусившее свободы, приобщившееся к мировой культуре и признающее права человека. В понимании этой части населения человек перестает быть неким усредненным индивидом, он, скорее, «Всечеловек» (Достоевский), который «сочетает в себе высокое и низкое, доброе и злое, святое и грешное, ангельское и зверское, все полярности человеческого характера и то, что лежит между ними» (Эпштейн 2003: 338). Такое представление о человеке, норме и девиации все больше отличается от представлений предыдущего (старшего) поколения, выросшего в советское время, где доминировал коллективистский принцип «Делай с нами, делай как мы!», усреднялась социальная норма, да и сам человек («среднестатистический гражданин») и, тем самым, исчезала личность как самостоятельная единица (эффект «девальвации уникальности»)*. Но старшее поколение занимает практически все властные позиции, которые позволяют определять направленность, пределы и стратегии социального контроля. Эти стратегии, будучи реализованными на практике, могут вступить в противоречие с пониманием нарушения норм у молодежи (как группы риска) и вызвать не снижение, а рост уровня девиантности (что мы и наблюдаем). Усугубить ситуацию может и то обстоятельство, что в последнее время наметилась тенденция занятия высоких государственных должностей бывшими военными. Они как носители авторитарного сознания вряд ли готовы воспринять толерантное отношение к инаковости.

* Следует оговориться, что стремление к усреднению, стандартизации поведения свойственно не только советскому обществу (хотя в нем данная тенденция проявилась в наибольшей степени), оно — естественный процесс приведения к «нормальности», понимаемой как мнение большинства. Это инструмент подчинения меньшинства большинству и, при определенных условиях, гарантия стабильности общества, сохранения его status quo, что исключает или препятствует процессу изменений. Нарушение мнения большинства a priori рассматривается как девиация, требующая неременной реакции — использования разных методов социального контроля.

В динамично развивающемся мире меняется понимание многих вещей. Изучение разных дискурсов должно способствовать не только выявлению различий в понимании «нормального» / «девиантного», но и (благодаря этому) отслеживанию перспективы развития социального контроля, изменения его границ, направленности и содержания, и тем самым — выработке рекомендаций для формирования адекватной политики в отношении девиантности.

Эскиз макро-микро-макро-модели социального контроля девиантности

Данная модель предполагает использование диалектического подхода с целью объединения взаимодополняющих концепций индивидуализма (субъективизма) и институционализма (объективизма). При этом особое внимание должно быть уделено трансформации системы социального контроля (надындивидуальный макрофеномен) как результату изменений повседневных практик на микроуровне, что дает возможность изучения разных дискурсов социального контроля посредством обобщения смыслов. Такое научно-теоретическое исследование носит эвристический характер и направлено на уточнение понятий, создание моделей, анализ смыслов. Его задача — поиск ответов на вопросы не «почему», а «как»: *как* существует социум, *как* возможен социальный порядок? (Ядов 2009: 132). Общая идея имеет следующую конфигурацию.

В пространственно-временном континууме (в данном обществе и в данное время) на **макроуровне** складывается определенная *объективная ситуация*, характеризующая состояние социального контроля девиантности. Ситуация определяется: господствующей моделью контроля, соответствующей преимущественно государственному дискурсу (представленному в официальных нормах, регламентирующих и регулирующих деятельность различных субъектов) с учетом, в той или иной степени, научного дискурса; явными и латентными системно-институциональными эффектами (уровень девиантности, степень напряженности в обществе, социальная интегрированность членов общества, социальная защищенность, системное насилие, социальное исключение и т. д.); сложившейся системой институтов социального контроля, имеющей определенные характеристики (заданное в официальной государственной модели понимание нормального / девиантного, методы и средства контроля, границы контроля, организационная специфика и т. д.). Эта ситуация по каналам социальной коммуникации транслируется на **микроуровень** социальной реальности и определяет социальный контроль как деятельность. Но социальные акторы не являются пассив-

ными реципиентами смыслов и аргументов государственного и / или научного дискурсов. Они создают свои собственные смыслы и конструкции нормы / девиации и социального контроля. В разных дискурсах формируется разное отношение к девиациям и девиантам, стратегии и методы воздействия на девиантность, рамки и интенсивность контроля. Иначе говоря, в разных дискурсах складывается своя модель социального контроля и повседневные практики реагирования на девиантность. Таким образом, на микроуровне социальный контроль может усилить или ослабить системно-институциональные эффекты, может следовать или не следовать генеральной линии государственного дискурса, но он так или иначе влияет на **макроуровневую** ситуацию, трансформирует, модифицирует ее. Эта *модификация* еще не означает, что в обществе изменится официальная государственная концепция социального контроля, возрастет его социальная адекватность. Она может измениться только при наличии обратной связи, развитых каналах коммуникации, желании государства учитывать мнение всех социальных агентов.

Направленность и содержание изучения социального контроля девиантности в рамках макро-микро-макро-модели

Социальный контроль в общем смысле чаще всего понимается как подчинение личных интересов общественным (Шели 2003: 46) или как «попытка общества регулировать мышление и поведение людей» (Масионис 2004: 260). Подразумевается, что социальный контроль не просто стабилизирует, упорядочивает общественную жизнь, но и придает ей осмысленность, позитивную направленность в глобальном историческом масштабе. Социальному контролю девиантности, как и всему тому, что связано с ним (институты, политики, чиновники, специалисты-профессионалы, стратегии, методы и т. д.), в обществе придается особый статус, поскольку он «творит» добро для общества, устраняя (элиминируя) или минимизируя вред от девиантных проявлений (Гиллинский 2007: 428). В этом статусе благой идеи социальный контроль обладает «идеологической неприкосновенностью». Он оправдан изначально, до того, как будут известны результаты (эффекты) функционирования его институтов. Его экспансия может быть бесконечной, поскольку бесконечно разнообразие форм и видов поведения, могущих вызвать недовольство общества — «социального Зла». Именно здесь возникает ряд вопросов, которые не нашли решения применительно к социальному контролю девиантности, а именно: каковы общественные интересы в плане социального контроля девиантности? Кого можно считать экспертом в этих вопросах — политиков, ученых, профессио-

налов, обывателей? Действительно ли социальный контроль нацелен только на «борьбу» с социальным Злом? Есть ли (и какие) механизмы воспроизводства девиантности через социальный контроль? и т. д.

Особый интерес представляет вопрос о субъектах социального контроля девиантности. К субъектам социального контроля девиантности традиционно относят официальные социальные институты (полиция, пенитенциарная система, трудовой коллектив, учреждения социального обслуживания, комиссии по делам несовершеннолетних, система здравоохранения, система образования и т. д.), осуществляющие формальный контроль, и институты, реализующие неформальный социальный контроль: семья, церковь, гражданские (общественные) инициативы. Рассматривая социальный контроль девиантности, к гражданским инициативам обычно причисляют профильные общественные организации, занимающиеся превенцией разных видов девиантного поведения и девиантности (преступности, немедицинского потребления наркотиков, жестокого обращения с детьми и т. д.), и правозащитные организации. Однако список этих субъектов гораздо шире. Сюда можно отнести, например, различные субкультуры, естественные кооперации (например, соседскую общность, друзей), социальные сети, чаты и сайты в Интернете, молодежные движения (спортивные, музыкальные, досуговые и др.), новые религиозные движения «ню-эйджа», девиантные субкультуры и т. д. Все они являются социальными структурами, понимаемые «в элементарном своем значении как “генеративные” (порождающие) правила и ресурсы» (Гидденс 2003: 59). Они могут иметь *про-*, *анти-* или *индифферентную* социальную направленность, которая, однако, при определенных обстоятельствах и социальной ситуации, может повлиять на проявления девиантности (например, идеология Аум Синрике изначально основывалась на медитативных и йогических практиках, направленных на саморазвитие и совершенствование человека). Исследовательский интерес представляет социальный контроль девиантности со стороны различных, в том числе, девиантных, сообществ. Они зачастую имеют большую мотивацию и финансовое обеспечение такого контроля, что обуславливает его более высокую результативность и продвижение в повседневную жизнь образцов поведения, альтернативных общепринятым. Речь идет, например, об организованной преступности, которая в России продолжает мутировать, принимает новые формы, занимает все большее пространство в социальном поле, определяет «правила игры» не только политиков, чиновников, но и большей части населения за счет контроля экономики страны.

Подходы к поиску и переосмыслению уже имеющихся ответов на эти вопросы можно объединить в императиве: необходимо уточнение

понятия «социальный контроль девиантности» не только как позитивистской идеи о желаемом общественном устройстве, но и как о динамично развивающемся процессе изменений, средстве коммуникации, конфликте интересов.

Социальный контроль может рассматриваться не только как средство коммуникации, но и как структурированные структуры, «...предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления...» (Бурдые 2001: 102). В данном случае он выступает как макроуровневый феномен.

Социальный контроль девиантности как макроуровневый феномен складывается под воздействием экономических, политических, идеологических, интер- и интракультурных факторов. В этой своей ипостаси социальный контроль девиантности выступает показателем цивилизованности / нецивилизованности общества, его гуманности / негуманности. Вывод об этом складывается на основе производимых социальным контролем системно-институциональных эффектов, к которым, прежде всего, относят: уровень девиантности, в том числе и преступности, снижение напряженности в обществе, социальную интегрированность членов общества, повышение уровня солидарности, социальную защищенность, социальное благополучие граждан и т. д.

Однако исследования этих показателей в разных странах свидетельствуют о неудовлетворительности деятельности государственной системы социального контроля, поскольку практически во всех странах наблюдается рост девиантности и социальной напряженности, ослабление социальной солидарности, рост отчуждения и неверия граждан в способность государства обеспечить защиту от преступности, разочарование в политике государства всеобщего благоденствия, главной идеей которого было создание условий для социального благополучия всех граждан. Вместе с тем компаративистские исследования демонстрируют, что в разных странах имеются существенные различия по всем этим показателям, которые обусловлены в большой мере разными моделями социального контроля девиантности.

Если в развитых странах деятельность государства в какой-то степени прозрачна, а его легитимность в большей мере обеспечивается демократическими выборами, то в неразвитых или слаборазвитых странах с лозунговой демократией такая прозрачность и подконтрольность государства гражданскому обществу просто отсутствует (как, впрочем, и само гражданское общество). Это означает, что модели управления различными сторонами общественной жизни, в том числе, в области контроля девиантности, остаются неявными, скрытыми,

имеют декларативный характер, могут быть биполярными по своему содержанию.

Можно принять за исходную точку идеальную модель социального контроля девиантности, предусматривающую улучшение всех обозначенных показателей и исправление девиантов (некая благая утопия). Она отражает дискурс морали долженствования («деонтологический дискурс») и выступает идеальным типом (М. Вебер), отражающим идеальные представления о взаимосвязи социального порядка и социального контроля девиантности. Такая идеальная модель вовсе не обязательно является единственным ориентиром в контроле девиантности. Она может существенно варьироваться в зависимости от позиции политических деятелей, чиновников, уровня образованности населения, вида политического правления и представлений о справедливости. Чем дальше от идеальной модели и ближе к жизненным реалиям приближается исследователь и находится субъект контроля, тем больше начинает проявляться «эффект эха»: от идеальной модели остаются лишь отголоски, основное ее содержание распадается или трансформируется в зависимости от социальных условий, обстоятельств, качества социальных взаимодействий, представлений контролирующего субъекта. Так создаются различные инструментальные диспозиции, которые производятся объективной структурированной социальной средой (Бурдьё 1994) или дискурсы (модели) контроля девиантности, которые находятся либо в отношении комплиментарности, либо в отношении контрадикторности, либо в отношении параллелизма (взаимного игнорирования). Они могут имплицитно или эксплицитно содержать элементы, признаки других дискурсов.

Специфическое видение предназначения (миссии), целей и задач социального контроля, избираемые способы и логика их аргументации, коммуникативные коды, используемые при обсуждении проблем социального контроля девиантности, различаются в зависимости от того, какую позицию и / или статус, роль занимает / играет социальный деятель: властную / исполнительскую, наказывающую / помогающую, контролирующего / контролируемого, совершающего девиацию / жертвы и т. д. Различия в понимании могут проходить также по дискурсивной линии: ученые, профессионалы, обыватели и т. д. Именно модусы идеальной модели, а не сама идеальная модель, во многом обуславливают взаимодействия в поле социального контроля девиантности. Можно выделить как минимум следующие дискурсы: государственный, научный, профессиональный (субъектов формального и неформального социального контроля девиантности), обывательский, рецептивный (объектов социального контроля, т. е. лиц, на которых этот контроль на-

правлен), «сторонний» (например, восприятие социального контроля мигрантами и / или иностранцами, длительное время проживающими на территории страны). Необходимо выяснить, как эти дискурсы влияют (и влияют ли) на социальный контроль девиантности, что даст возможность анализа интенсивности и качества обратной связи, характеризующей развитость / неразвитость социальной коммуникации в обществе.

В зависимости от выбранной исходной точки — того или иного модуса, дискурса — может возникнуть разное видение последствий использования социального контроля девиантности — его эффектов. При проведении процедуры оценивания эффектов необходимо понять, с чьей позиций мы будем их оценивать: *с позиции производителя*, т. е. всех лиц, включенных в систему социального контроля (но что они производят? исправление девиантов с целью их интеграции в социум? возмездие? безопасность граждан? предписанные правила / среднестатистическую норму?), *с позиции потребителя* (но кто этот потребитель? лица девиантного поведения, общество, определенные социальные группы или государство?), *с позиции рынка* (но можно ли вообще рассматривать социальный контроль девиантности в аспекте рыночных отношений и какова специфика этих отношений? и что считать результативностью деятельности системы и отдельных учреждений социального контроля?) или *с позиции государства* (но каковы реальные цели и задачи государства в отношении разных категорий девиантов?). Эти оценки могут существенно отличаться, как и ответы на поставленные вопросы.

Разница в оценках и ответах будет наблюдаться также в зависимости от объектов исследования. Это может быть макроуровневая модель социального контроля девиантности (государственный и отчасти научный дискурсы), конституирующая как социальные нормы, так и девиантность, имеющая собственное объяснение причин девиантности, создающая мифы о девиантности и институты социального контроля, стратегии, тактики и границы контроля, *или* повседневные практики ее реализации (микроуровень социальной реальности), когда в процедуру исполнения контроля встраиваются мотивы, жизненные интересы, смыслы, ценности, представления, желания контролируемых и контролирующих.

Научное исследование и анализ эффектов социального контроля девиантности не может ограничиваться их рассмотрением с какой-то одной позиции. Оно предполагает рассмотрение не только прямых эффектов — динамики и тенденций девиантности (рост или понижение уровня, изменение структуры девиантности), но и проявления скрытых, латентных эффектов как результата реализации отношений власти-под-

чинения (М. Фуко). К латентным эффектам, прежде всего, следует отнести системное насилие и его последствия: стигматизация определенных лиц, групп как девиантов; селекция контролируемых субъектов и поступков в интересах власть имущих; использование преимущественно методов карательного контроля с целью запугивания населения; распространение мифов и нагнетание различных фобий в отношении представителей девиантных субкультур; социальное включение / исключение граждан и т. д.* Они по-разному проявляются в институциях формального и неформального, карательного и предупредительного социального контроля и связаны с издержками при реализации принципов функционирования социальных систем, аутопойетичным характером систем (Н. Луман) и болезнями бюрократических организаций, проявляющимися в «расширении охвата», стремлении не к оптимизации, а к максимизации; деперсонифицированном отношении к объекту воздействия и т. д.

Необходимость рассмотрения повседневных практик основывается на идее, что социология призвана объяснить производство и воспроизводство общества как результата социальных действий агентов и их совокупности (Гидденс 2003). «Именно такой ракурс позволяет разрабатывать общую теорию, исходящую из конкретной ситуации... и связывать ее с актуальными процессами трансформации всего социального поля» (Вульф 2009: 11). Повседневные практики производят знания, которые задают структуру смыслов, являются «фабрикой значений, без которых не может существовать ни одно общество» (Бергер, Лукман 1995: 31).

* Процесс производства и воспроизводства девиантности через механизмы актуализации социального включения / исключения имеет скрытую и сложную форму. Очевидно, что к девиантности может привести как то, так и другое. Например, (гипертрофированная) включенность во властные структуры, особенно в высшие эшелоны власти, обеспечивает практически неограниченные возможности для разных видов девиантности — политические и экономические преступления, эскалация военных конфликтов, организация убийств, насилие в других проявлениях и т. д. (Об этом подробнее см., напр.: Шипунова 2002: 58–73). Однако социальное включение / исключение человека или социальной группы как следствие реализации принципов существования системы выступает одним из факторов не только преступной деятельности власть имущих, но и других видов девиантного поведения. Здесь возникает много вопросов, связанных с практикой социального контроля: каким образом осуществляется селекция лиц, чье поведение должно контролироваться; почему не контролируется поведение «нормальных», несмотря на то, что они совершают не меньше девиаций (кражи из гостиниц, обман, обыденное насилие и т. д.); какова мера приемлемости того или иного поведения (каков интервал действия норм) и др.

В современном обществе силы, способные сделать систему социального порядка и социального контроля более гибкой, «переместились от системы к обществу, от политики к жизненным установкам — или опустились с макро- на микроуровень социального общежития» (Бауман 2008: 14).

При изучении повседневных практик целесообразно исходить из дискурсов, поскольку в них фиксируются основные идеи социального контроля девиантности и его обоснования, которые затем актуализируются в практической деятельности. Однако вполне допустима ситуация, когда социальный агент является носителем двух или нескольких дискурсов (например, чиновник, занимающийся разработкой политики в области социального контроля девиантности, может быть носителем государственного и / или научного и / или обыденного дискурсов). Многим повседневным практикам свойственна трансцендентность как переживание сопричастности чему-либо или кому-либо — отсюда стремление к реализации общепринятой модели социального порядка, норме (как наиболее распространенной в обществе модели поведения), морали долженствования. Эта трансцендентность обычно проявляется в речи (лозунгах, декларациях, идеологически выверенных суждениях и т. д.) и может служить лишь прикрытием других ценностей, значений, смыслов. Данные обстоятельства усложняют изучение повседневных практик, однако не отменяют его ценности.

При рассмотрении и описании повседневных практик как деятельности по социальному контролю девиантности интерес исследователя должен быть направлен на прояснение вопросов: почему актер (контролирующее лицо) делает именно так? Как он организует взаимодействие с другими (контролируемыми и специалистами)? Каковы его представления о девиантах и его понимание причин (факторов) того или иного вида девиантности? Как он объясняет необходимость контроля разных видов девиантности (оправдание контроля)? Какие критерии эффективности он устанавливает для контроля и для своей профессиональной деятельности? Почему используются именно эти средства контроля (и какие)? По какому принципу отбираются лица, к которым применяются методы социального контроля (селекция, этикетирование)? и т. д.

Изучение повседневных практик социального контроля не может ограничиваться только анализом позиции субъекта, воздействующего на девиантность. Необходимо также описание практик реципиентов, которых можно разделить на «явных» (выявленных лиц девиантного поведения) и «неявных» (всех остальных граждан). Кроме того, для избегания однобокости суждений и расширения спектра смыслов («взгляд со

стороны») полезно изучить повседневные практики реакций на девиантные проявления (контроль, избегание контроля и др.) представителей иных культур — лиц с другой ментальностью (мигрантов и / или иностранных граждан, длительное время проживающих в России).

Изучение, осмысление, анализ и обобщение полученных данных направлены на подтверждение тезиса, что, несмотря на независимость социальных структур от агентов, они не в состоянии существовать без субъектов деятельности, которые не только формируются сами, но и формируют общество (Штомпка 1996). Распространенность той или иной модели социального контроля и восприятие ее системно-институциональных эффектов напрямую связано не только с государственной политикой в отношении разных видов девиантного поведения, но и с качественно различными повседневными практиками формального и неформального, карательного и предупредительного социального контроля. Реализация социального контроля девиантности на микроуровне может воспроизводить, усугублять или нивелировать имеющиеся (проявившиеся на данный момент, существующие объективно) системно-институциональные эффекты социального контроля. Выявление такой связи со знаком «плюс» (например, изменение политики в отношении разных видов девиантности, изменение средств воздействия на нарушителей норм и т. д.) будет свидетельствовать о развитости социальной коммуникации и определенном ее качестве. И, наоборот, связи со знаком «минус» будут свидетельствовать о нарастании тоталитаризма и волюнтаризма в социальном контроле девиантности, игнорировании международного опыта, нежелании власти считаться с мнением своих граждан и учитывать их интересы при планировании стратегий развития общества.

Разработку макро-микро-макро-модели социального контроля девиантности целесообразно осуществлять в четырех взаимосвязанных направлениях анализа:

— *«теоретико-методологическом»*: изучение объективистских и субъективистских теорий, концепций социального порядка и социального контроля, концептуализация макро-микро-макро-модели изучения социального контроля девиантности, уточнение понятийного аппарата, разработка методологических оснований проведения прикладных исследований, классификация и типизация объектов изучения, анализ и обобщение полученных результатов, их встраивание в общую модель;

— *«культурно-символическом»*: рассмотрение символической структуры социального контроля девиантности, конструкторов «нормы / девиации», «должное / запрещенное», «социальный контроль» (изучение

модусов идеальной модели социального контроля, отношения к девиантам), сложившихся в разных дискурсах (государственный, научный, профессиональный, обывательский, рецептивный, «сторонний»);

— *«системно-институциональном»*: анализ системно-организационных издержек, связанных с функционированием институтов формального и неформального социального контроля девиантности; описание системно-институциональных эффектов социального контроля девиантности (явных и латентных), роли, места, социальной направленности (про-, анти-, индифферентная) и механизмов социального контроля девиантности, осуществляемого неспециализированными субъектами (Интернет-пространство, гражданские инициативы, сообщества, в том числе преступные);

— *«социоструктурном»*: выявление специфики реализации социального контроля в рутинной профессиональной деятельности специалистов, работающих с лицами девиантного поведения, реакции на девиантность в повседневной жизни (обыденный дискурс), восприятия социального контроля «девиантами» и «сторонними» агентами (мигрантами и / или лицами, достаточно долго проживающими в России); изучение стратегии и тактики социального контроля, применяемых в повседневных практиках, объяснение необходимости их применения; анализ объяснительных концепций возникновения девиантности, используемых в разных дискурсах; изучение способов избегания социального контроля девиантности (рецептивный дискурс).

Заключение

Использование предложенной макро-микро-макро-модели социального контроля девиантности в качестве методологической базы исследования потенциально имеет риски некоторой схематизации и неполноты отображения реального многообразия смыслов, контекстов, дискурсов социальной коммуникации, повседневных практик в области социального контроля девиантности. Однако думается, что данная модель представляет определенный интерес как в плане приращения научного знания, так и в плане создания возможностей для изменения социального контроля девиантности, поскольку она соединяет в научном анализе теории социального действия и социальной структуры, объективистские и субъективистские структуры, макро- и микроуровни, пространственные и временные параметры социальных действий, социальных практик и социальных институтов (Э. Гидденс). Это обстоятельство в какой-то мере нивелирует предполагаемые недостатки и дает возможности для развития исследований в данном направлении.

Литература

- Бауман З.* Текучая современность / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2008.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
- Бурдые П.* Начала / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.
- Бурдые П.* Практический смысл / Пер. с франц. СПб.: Алетейя, 2001.
- Вульф К.* К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. СПб.: Интерсоцис, 2009.
- Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003.
- Гишинский Я.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.
- Грэхэм Дж., Беннетт Т.* Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки, 1995.
- Масионис Дж.* Социология. 9-е изд. СПб.: Питер, 2004.
- Пряников П.* Для медведевской модернизации в России есть только 20 млн. человек. [<http://www.planet-kob.ru/articles/291>] (дата обращения — 14 октября 2010 г.).
- Шели Дж.* Криминология / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2003.
- Шипунова Т.В.* Социальное исключение и воспроизводство преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2002. № 4 (5).
- Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Эпштейн М.* Прото- // Проективный философский словарь. СПб.: Алетейя, 2003.
- Ядов В.Я.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российской трансформации: Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. второе, исправл. и дополн. СПб.: Интерсоцис, 2009.
- Hess H., Scheerer S.* Was ist Kriminalität? Skizze einer konstruktivistischen Kriminalitätstheorie // Kriminologisches Journal. 1997. Jg. 29. H. 2.
- Lamnek S.* Theorien abweichenden Verhaltens: eine Einführung für Soziologie, Psychologie, Pädagogen, Juristen, Politologen, Kommunikationwissenschaftler und Sozialarbeiter. 7. Aufl. München: Fink, 2001.
- Schütz A., Luckmann T.* Strukturen der Lebenswelt. Bd I. Neuwied, 1975.